

Recording A

Лурия: ну, теперь Даниил Борисович Эльконин, сейчас, одну секундочку пока прокрутится

Эльконин: Я наиболее поздний ученик. Я встретился, то есть я знал Льва Семеновича, я знал его в 28 году я еще студентом, на Поведенческом съезде он был, там в Ленинграде. Я так знал все его работы, но, собственно, начал работать под его руководством и вместе с ним в тридцатом году, еще при жизни профессора Михаила Яковлевича Басова.

Льва Семеновича пригласили в Ленинград читать лекции. Это еще было до вашего отъезда в Харьков, его пригласили читать лекции Педагогический Институт имени Герцена. там было такое специальное, называлось оно тогда педологическое отделение, где готовили специалистов психологи и педагоги и где я работал, тогда будучи еще в общем. я окончил в 27 году что это было через три года после окончания

Вопрос от MLK: И Вы были ученик кого, Басова?

Эльконин: Ну в общем я с Басовым был очень тесно связан, хотя непосредственно в группу его учеников непосредственно не входил, я был практическим работником работавшим в одной из консультации на железной дороге, на Октябрьской железной дороге, там была такая профилактическая лаборатория я был практическим работником. А когда потом появился Лев Семенович, ему понадобился там в общем ассистент, Михаил Яковлевич вспомнил обо мне. И тогда меня пригласили в Герцинский Институт работать, и я вот начал со Львом Семёновичем начал вместе работать

Но до смерти Михаила Яковлевича Басова который умер в 1931 году эти поездки были только такими чисто лекционными, то есть от проезжал читал лекции вот по детской психологии, а я ассистировал ему и вел там семинарские занятия после него. А после смерти Михаила Яковлевича Басова, в 1931 году, а он умер тоже очень молодым, Льва Семеновича пригласили не только для чтения лекций, но и для руководства аспирантами, дипломантами словом для такой более серьезной работы на эту кафедру и он стал приезжать более систематически. Он приезжал в Ленинград почти ежемесячно на 7-10 дней. В эти 7: 10 дней он читал лекции: проводил консультации со студентами, с аспирантами и так далее и так далее. Я был его непосредственно таким что ли помощником, а когда он уезжал на остальные три недели, я делал все остальное, то есть вел семинарские занятия, там консультации и так далее

этот период времени, мне кажется, для Льва Семеновича характерен тем, что он приступил к исследованию каких-то... Ну проблема развития высших психических функций тогда уже было более или менее разработана основные правды вещи были в общем сделаны, собственно говоря, тогда уже была написана книга развитие *высших психических функций в их развитии и распаде* она уже была готова. Тогда уже было написано *орудие и знак*. Там целый ряд вещей его касающиеся вот этой теории, теоретической концепции уже были в основном

сделаны. И тогда в общем то в Ленинграде развернулись какие-то работы главным образом экспериментальные связанные с этими проблемами обучения и развития и роли различных видов деятельности для развития.

Может быть отчасти я не знаю какое влияние здесь оказали работы Михаила Яковлевича Басова, который вообще проблемой деятельности интересовался. Правда, он тогда занимался этими проблемами, но мне трудно судить имело это какое-то влияние или нет.

Лурия: они очень доброжелательно относились друг к другу

Эльконин продолжает: они очень хорошо друг к другу относились. Михаил Яковлевич Басов его очень уважал, это был, пожалуй, один из таких исследователей, к которым Михаил Яковлевич относился с большим уважением, как и даже подчеркнуто в каком-то смысле И вот тогда начался и целый ряд исследований по проблемам обучения и развития, и по проблемам игры. Из этих исследований можно упомянуть следующие Во –первых у него была аспирантка, Жозефина Ильинична Шиф, которая сделала тогда в Ленинграде эту работу по развитию научных и житейский понятий. Затем у него была аспирантка Танечка Конникова, которая сделала работу по автономной речи.

Морозова: кстати, до сих пор лежащую...

Эльконин продолжает: не опубликована, вот по автономной речи. И затем я тогда сделал работу по сравнительному анализу устной и письменной речи у школьников, которая тоже не опубликована и никогда не публиковалась и которую я защищал уже в 41 году уже

МЛК вопрос: в сорок ...?

Эльконин: в 41 уже, уже после смерти Льва Семеновича, долго после смерти, потому что там были события, которые в общем помешали мне, помешали мне в общем это всё в своевременно оформить.

Кроме того шли большие работы вот дипломные в которых тоже решались и те же вопросы проблемы грамматики и развития, проблемы математики и развития, которые нашли себя отчасти отражения вот в тех публикациях которые вот были сделаны в этой книжечке, там на обороте указано, что в этой книге использовали работы там дипломантов, целого ряда людей которые вели работу по, вот то что называется развитием и обучением, по усвоению детьми грамматики, по усвоению детьми математики, там понятие числа, десятичной системы исчисления и целого ряда вот таких вот вещей.

Таким образом, мне кажется, что этот Ленинградский период или во всяком случае мои связи в Львом Семеновичем в этот период они главным образом сосредотачивались на этих работах.

Кроме того, мы тогда со Львом Семеновичем начали большую серию работ по игре, которая уже продолжалась затем уже и после его смерти. После его смерти я тогда продолжал руководить некоторыми работами, которые там начинались. Но там было такое положение вещей, что в 1931 году меня назначили, тоже

благодаря Льву Семеновичу, он об этом, так сказать, ходатайствовал, заместителем директора по научной части этого громадного института Ленинградского института, Российского педологического института. Это было такое научно- практическое, довольно большое учреждение, в котором я работал уже после смерти Льва Семеновича уже на таких административно-научных должностях. И так продолжались эти работы.

Из работ которые были сделаны по игре и которые не были опубликованы, а были только собраны по ним материалы это были работы по вот к сожалению материалов этих нет тогда была такая Ольга Наумовна Варшавская, она погибла во время войны в Ленинграде, которая сделала работу вот по переносу значения с одного предмета на другой, в фонтан к тому, что делалось вот тогда и Натальей Григорьевной раньше, но это так уже такой в контексте игровой деятельности, в целях раскрытия ее природы, и этого процесса изучения переноса значений с одного предмета на другой. Затем работы Гершензон по правилу в игре, по взятию на себя ребенком роли в игре. К сожалению, эти работы нигде не были опубликованы.

Божович: А Фрадкина что делала?

Эльконин: А Фрадкина тоже работала в этой группе, значит там была такая группа, довольно большая группа в которую входили Гершензон, Фрадкина, Варшавская, Талебанов, Шиф, Конникова. Ну я уж всех не помню

Морозова: Эльконин?

Эльконин: Эльконин был в качестве такого организатора, какого-то консультанта в отсутствие Льва Семеновича, а затем после его смерти в качестве какого то объединяющего всю эту работу. Фрадкина сделала работу, начала тогда делать работу по генезису игровой деятельности, вот, в раннем детстве, ранние формы игры, но заканчивала она ее потом уже под руководством Алексей Николаевич, когда Алексей Николаевич начал приезжать в Ленинград уже после постановления ЦК о педологических извращениях. Это было 37 году и тогда уже меня он пригласил работать к себе в Академию воспитания, которую перевели и тогда вот была сделана эта работа Фрадקיной, одновременно там, в Харькове, была сделана работа Луковым по осознанию речи.

Так что я бы та сказал, что мои связи со Львом Семеновичем ограничивались, или я бы сказал центрировались, вот на этих проблемах, на проблемах обучения и развития.,

и всех вопросов связанных с возрастной, в собственном смысле этого слова, психологией.

MLK вопрос: Даниил Борисович, во время войны Вы что делали?

Эльконин: воевал, дорогой товарищ!

MLK удивление: да?

Эльконин: да!

Я не только во время войны, а и после войны еще восемь лет Я в 1941 году пошел добровольцем на фронт. Отвоевал четыре года на Ленинградском фронте. После этого меня не отпустили из армии, держали еще восемь лет. Я освободился из армии только в 1953 году.

Но после войны я уже принимал участие в этих работах. Ну на таких каких-то птичьих правах, а после Владимир Александрович (Вагнер, NG) дал мне полставки уже в Москве

Лурия:

Что ты мог бы сказать об отношении Выготского к Вагнеру?

Эльконин: Об отношении Выготского к Вагнеру я могу сказать только следующее: Что Лев Семенович к Владимиру Александровичу относился не только с глубокой симпатией, но и чрезвычайным уважением. Он вообще считал его основоположником сравнительной психологии в мире. Очень часто у него бывал и познакомил даже меня с ним. Хотя я Вагнера знал как студент, потому что он нам читал сравнительную психологию, и мы вот работали по этим его двухтомнику сравнительной психологии и биопсихология. Была такая книжка до появления этих выпусков маленьких, вот я вот его слушал и Лев Семенович у него бывал. Вагнер тогда жил в своей квартире, которая помещалась на Чернышевском переулке на территории коммерческого училища. В этом коммерческом училище у него был совершенно исключительный кабинет, анатомический биологический в котором он работал после того, как он уже перестала работать в Ленинградском университете.

Лурия: собственно, с 30-х годов

Эльконин продолжает: да-да. это был такой онтолог, у него есть замечательная книга о пауках и затем вот эти два тома. Они были как то, я ничего не знаю о их личной близости,

Лурия: существует несколько очень нежных писем Выготского к Вагнеру

Эльконин: Он очень нежно и уважительно к нему относился. Я знаю как-то однажды я был с ним у Вагнера, они говорили о судьбах психологии. И тогда Владимир Александрович сказал: “ну, Лев Семенович, знаете, психологии нынче развивается как многоножка, на периферии»

Потому что тогда вот в центре, в Ленинграде, вот было господство этих павловских рефлексологических точек зрения. А он был противником Павлова и неоднократно выступал публично. Это естественно создало для него атмосферу, ну такую не слишком - а - не слишком благоприятную. Вот, Лев Семенович к нему очень хорошо относился и собственно я с Вагнером лично познакомился

благодаря Льву Семеновичу. Я знал его как студент, а тут уже я лично познакомился.

Лурия: Я думаю, что если искать корни Льва Семеновича, то одна группа корней это философия, Спиноза, марксизм...

Эльконин: Ивановский, о котором он всегда говорил

Лурия: Вторая группа корней — это Вагнер. А третья группа корней это Потенбня вот эти самые все лингвистические теории...

Эльконин: Шпет и так далее

Морозова: ну, и связи по линии искусства. Эйзенштейн.

Божович: ну это уже побочные

Мужской голос #2: ну это неизвестно, кто на кого там влиял.

MLK вопрос: В смысле, что? Выготский влиял на Эйзенштейна?

Luria: В смысле мировоззрение психологического, я думаю что в значительно степени по-моему да.

Морозова: Трактовал Лев Семенович, по-моему, трактовал Эйзенштейна, трактовал его.

Мужской голос: Да.

Лурия:

Но ранние корни, конечно, вот в его ранних учителях.

Эльконин: так еще интересно то, что у нас, наверное, больше нигде он не прочел систематический курс детской собственной возрастной психологии систематически

Божович: А подожди, а где же он прочел педологию?

Эльконин: он прочел педологию в Московском медицинском институте

Божович: Тот которые стенограмма у нас есть.

Эльконин: Введение. Это семь лекций которые. Но там же нет возрастов, это только общие вопросы.

Божович: и общие вопросы развития!

Лурия: знаешь, это все входит в четвертый том, который мы подготовили¹

Божович: это вы никогда не издадите! Ну что уже сколько лет прошло!

Эльконин: А вот у нас в институте он прочел систематический курс возрастной психологии. Он был вообще совершенно блестящий лектор! Весь Ленинград ходил слушать его лекции. И в этот период он написал, по-видимому, он задумал вот эту книгу. Ну, возрастную такую психологию. И он собственной рукой написал туда две главы, это глава *Проблема Возраста* и это глава совершенно изумительная *Младенческий Возраст*. это был ..., и они не опубликовали. Вот они в рукописях у нас лежат.

Женский голос: прости, Даня, а в каком отношении - это я даже не знаю - в каком отношении находится вот эти вот работы задуманные к тем заочным изданиям по педологии младшего школьного возраста, педологии подростка? Вы знаете эти работы?

MLK: Я знаю, что одна из них печаталась кажется

Женский голос: они все напечатаны, они все напечатаны, но только на правах рукописи.

Лурия: Их легче напечатать было

Эльконин: он там это делал просто это ещё было до Ленинградского периода, потому что *Педология Младшего Школьника* вышла двадцать девятом году, а *Педология Подростка*, если мне не изменяет память в 31 году.

Мужской голос: это во втором университете?

Эльконин: это называлось Институт, Бюро заочного обучения при МГУ. И вот он написал вот эти вот, Дело все в том, я не знаю, правильно или нет, но мне вообще кажется, что Лев Семенович интересовался детством и его развитием всегда. Это был какой-то неослабевающий интерес, с одной стороны, сначала, ну так, с точки зрения генеза правда, а затем уже и по существу. Потому что и вся правда — вот там, вот новообразования, вся проблема новообразования. которое вообще вся проблема развития этой системной смысловой структуры сознания — оно все шло оттуда, от детства.

Женский голос: нет не всё, потому что одновременно и развитие распад вот собственно тот длинный его основной обобщающий доклад....

¹ 4 том Л.С. Выготский "Собрание Сочинений" "Детская Психология под редакцией Д.Б. Эльконина вышла в 1984 году в издательстве "Педагогика", уже после смерти Лурия. В том вошли избранные главы из Педологии Подростка.

Эльконин: Я участвовал только в той части, которая относится к развитию.

Лурия: Распад был раньше и позже!

Эльконин: Потому что я раньше никогда в этом участие не принимал, а вот развитие всех этих идей о системном строении сознания, его развитии, о новообразованиях, о том как разные функции играют разную роль и имеют ведущее там значение, вот эти все проблемы связанные с обучением и развитием, развитие игры, развитие ... переходов от одного периода к другому, кризисов и так далее, это вот развивалось, я бы сказал так, на моих глазах

Лурия:

на это я надеюсь будет напечатано в целом большом томе

Эльконин: Да?

Лурия: посмотрим...

Женский голос: в каком томе, который будет напечатан в Советском Союзе? Дай Бог.

Женский голос 2: А вот огромный кусок его исследований по конкретной психологии в психологическом институте, по разбору детей...

Лурия: ну это уже пропало!

Женский голос: что пропало?

Лурия: Разборы его.

Эльконин извиняется, ему надо на другую встречу и покидает компанию [NG]

Лидия Ильинична Божович: Я очень плохо как-раз вспоминаю ранний период, и даже стыду своему не могу вспомнить содержательно, только метод, только замысел только какие-то эксперименты вот по подражанию. Хотя, вообще говоря, было сделано это еще когда мы были студентами на 3 и 4 курсе и было написано и долго у меня лежало это рукопись, но потом как-то не возвращался и сейчас даже не могу точно сказать что за собственно там было добыто.

Лурия: А идея то была что обезьяны не умеют обезьянничать

Божович: Да точно, что вообще для подражания необходимо какой-то уровень понимания, интеллектуальной деятельности. И шло это обычно вот этим методом двойной стимуляции. Сажали двух детей рядом, и затем значит предлагали тоже, как всегда, задача на память и предлагалось карандаш и бумага, чтобы они могли каким-то

образом, только не записывая, заметить, что же они собственно должны запомнить. Но двух детей сажали разного возраста рядом, и маленький мог

смотреть у большого как он это делает. И вот наблюдалось каким же образом он использует опыт более старшего ребёнка. В какой мере он умеет схватить

Морозова Левина 2: Я напомним, основная мысль как мне сейчас помнится состоит в том, что подражание всегда упоминалось и подражание всегда рассматривалось как способ обучения или какого-то усвоения опыта, но само подражание не являлось Предметом исследования. Ну это да здесь сделали предметы мы исследовали само подражание, которое развивается.

Лурия: то есть это подражание как средство

Морозова Левина 2: да оно само явилось Предметом исследования как история развития подражания. Первоначально механически, затем какой-то смысловое, затем более обобщенное заимствование тех частей подражаемого содержания, которое мог усвоить ребенок. Вот Эта мысль мне кажется очень важной.

МЛК комментирует: здесь мне казалось, что вот идея, вот именно ваша идея подражания, имитации или как-это сказать, очень близко к понятию зоны ближайшего развития,

Лурия: это по-другому

МЛК: но то, что они связаны

Женский голос: это понятно, они должны быть связаны

МЛК: мне кажется, что после этого очень мало было хороших работ по этой теме. А почему так получилось? Идея, как мне кажется, очень хорошая, но работ по этой теме все-таки очень мало.

Морозова: сейчас очень нужно работать

Морозова: ну и мы в своем исследовании сейчас в дефектологии встречаемся с необходимостью изучить подражание и изучить конкретно зону ближайшего развития. Потому что у Льва Семёновича это дано в общем плане. То что ребенок может сделать с помощью, становится потом уже зоной актуально развитие он начинается это делать самостоятельно но как он к этому приходит на каком этапе как осуществляется переходы это всё не исследовано это мысль ещё э живёт вот ...

Лурия: этот разбросанные мысли

Морозова: да, в устах всех людей кто с ним соприкасался и вот сейчас я только сейчас своей аспирантке поручаю, которая занята педагогическими методами

изучения аномального ребёнка, исследовать зону ближайшего развития в её конкретном воплощении при педагогическом эксперименте:

МЛК: тогда мы можем идти на обмен, потому что я имею работы на эту тему
Я могу вам прислать

Морозова: очень интересно, да.
А я тогда пришлю вам если получится.

МЛК: ну, это потом, но просто мне казалось, что и просто здесь есть целый ряд опытов, который не шли в печати, и я думаю только вопросов о том, что не было бумаги и прочее, то, что идея как-то не было достаточно развита.

Божович: возможно, но вообще надо сказать, что может быть дальнейшие вот идеи относительно идеи Льва Семеновича о зоне ближайшего развития...

Морозова или Левина: кстати это не была идея Льва Семеновича о зоне ближайшего развития

Лурия: что, что ты говоришь?

Морозова Левина: Лев Семенович сам говорил, что о зоне ближайшего развития он он прочитал и итальянского какого-то....

Морозова Левина: Он также вычитал, как он все вычитывал.
Вероятно, терминологически было общее, но мы до сих пор же не имеем

Лурия: нет, но Майкл правильно говорит, что много делалось и мало печаталось. Конечно, не потому, что бумаги не было или типографии возможности, а потому что установка была на создании людей, исследователей.

Божович: ну у меня не было установки на создание людей это может у вас было
Морозова Левина: мы были тогда материалом:

Морозова Левина: А мне кажется, что это не только в этом дело, а в том, что мы считали что это какие-то элементы большого здания будущего.

МЛК: Ага! Так?

Женский голос: Мы считали, что это и преждевременно Мы даже не считали, что не имеет самостоятельной ценности, что это еще полуфабрикат.

Женский голос 2, нет мы действительно были еще очень молодыми и очень неопытными, но все же мы были на третьем курсе Мы делали эти эксперименты ну чтобы увидеть, чтобы попробовать

Лурия: а дальше уже сил не хватало превратить это в систематическое

Морозова: и не было установки

Божович: то есть вообще оказалось, что мы нарабатываем на так сказать теорию, но сами Так выступаем скорее как руки, чем как так сказать исследователи достаточно законченные.

Божович:

вот так что я вот думаю, что ни по времени ни во всяком случае экспериментально вот такие вот работа зоны ближайшего развития с подражанием не связано, но возможно, что какие-то идеи общие отсюда уже у Льва Семеновича тогда явилась какая-то общая идея этой зоны.

Морозова Левина: мне хочется сказать это были разные, здесь Лев Семенович всегда подчеркивал, насколько я помню, это были умные подражание и глупые подражания.

МЛК: УГУ!

Морозова Левина: вот это было на устах у всех у нас и мы между собой всегда когда видели где-нибудь в жизни какой-то факт говорили «вот глупый»

Лурия: Умные это значит выделение существенного

Морозова Левина:

Умное, которое движет развитие. Значит есть подражание и подражание...

МЛК: но это мне кажется всё-таки в теории личности это очень сложная такая тема и довольно далеко от тем теории личности. И это довольно далеко от тех мыслей Выготского, которые я прочел. Это все-таки сложновато. Неправильно?

Божович: это я скажу, это я скажу, я хочу только еще на раннем периоде остановиться.

Вот после того, как мы делали это совсем еще детьми, можно сказать, студентами первых курсов, после этого я тоже ездила конечно, как полагается, работать на практическую работу вот другой город, и когда оттуда мы вернулись, то стоял очень остро вопрос о том, как же и где можно объединить усилие вот всех нас. Чтобы мы могли работать совместно, чтобы можно было как-то такое построить, такую лабораторию, где каждый бы нашёл себе место. Так как это в Москве было совершенно невозможно то возникла идея переезда в Харьков, где мы имели возможность получить целый сектор и там думали, что....

Лурия: Психоневрологическая академия

Божович: да, Психоневрологическая академия. И там вот Лев Семенович должен был переехать, Александр Романович и Алексей Николаевич, так сказать и мы. Но Лев Семёнович не переехал он всё-таки ездил туда систематически консультировать, а вот Александр Романович, Александр Владимирович, Алексей Николаевич и я, мы переехали туда. Ну здесь в плане чисто так сказать. лично я тогда получила письмо от Льва Семёновича, где он пишет... (А у меня как раз родился ребёнок недавно, а я бросила всё это семью, и вот уехала в Харьков работать.)

где он написал, что «это когда-нибудь запишется в ваши научные биографии» Действительно уехали туда и там работали, побросав всё что здесь.

Ну вот, теперь в Харькове уже как-то заняли позицию, какую-то такую линию исследования, уже не так непосредственно связаны с тем, что в это время делал Лев Семенович. Может быть ты, Александр Владимирович, об этом подробнее расскажешь, мы тогда очень много занимались практическим интеллектом, и речевыми формами интеллекта, и переходом. Так сказать, повторяли Келлеровский опыты в значительной степени на младенцах, использование орудия

Лурия: отношение «удлинённой руки» к настоящему орудию

Божович:

Орудие этого первых, а во-вторых, от чистых зрительных связей отношений, к умению уловить механические связи отношения. И отсюда проблема переноса интеллектуальных операций из одной ситуации в другую, вот, собственно, так сказать проблематика такая здесь была.

МЛК: успешно получилось?

Божович: Ну, по моему, интересно во всяком случае получилось, но тоже я для себя не считаю, что это был какой-то период, который потом пошел в дальнейшую работу, которую я продолжала.

Лурия: это скорее бы продукт, а продуктом был Зинченко-отец, Луков...

Божович да-да-да!

МЛК: там ничего печатного из этой работы тоже?

Божович: нет, там были

Божович: там были кое-какие напечатаны работы. У меня лично, я потом заинтересовалась вопросом как-раз житейских и научных понятий. И там делала

работу о соотношении житейских и научных понятий, но несколько и ином плане, чем это было сделано у Шиф под непосредственным руководством Льва Семеновича.

а я делала таким образом я интересую процесс усвоения научных понятий и отношения этого процесса к тому темы ребенок уже владеет к тому моменту, когда он начинает усваивать соответствующие научные понятия. И здесь вообще я построила эксперимент страшно сказать, я бы сказала как-то почти наивно. То есть я всё взяла некоторые курсы

Recording B

усвоение по физике, скажем закон Архимеда, закон давления, и делала очень простую вещь. Сначала в актуальных ситуациях, ребята вообще говоря еще не проходившие этот закон, но уже готовые к его прохождению. Хотя я брала и так несколько таких срезов возрастных, и несколько раньше, и затем значит спрашивала: “ вот скажем вот это вот ложечка. Как ты думаешь она поплывет или потонет?” Ну и говорили, ну на основании своего житейского опыта, так сказать.

--“эта, говорит, ну она потонет.”

--“А почему?” “Она из железа”-

--“ А вот это банка из железа, она поплывет или потонет?”

--“поплывет”

--“ почему она железная? У нее и дно целое”

И так далее, и так далее, и так далее. А потом, значит, им давался курс, так сказать советующий урок, так что они его прекрасно в пределах урока физики усваивали, очень хорошо могли иллюстрировать , на этом самом, на примерах.

А потом я снова их возвращала к этой же самой ситуации и смотрела что же перестроилась. И вот это собственно работа, я считаю и была первой основной, которая как-то положила начало тому интересу, который уже потом развивался самостоятельно. Хотя как мне кажется абсолютно в русле идей Льва Семеновича Выготского, я скажу почему. Значит, кроме того, что совершенно было ясно что у ребёнка, до того, как он начинает овладевать соответствующими научными понятиями, есть достаточно ориентирующие его в практике и достаточно правильно позволяющие ему, так сказать, действовать житейские понятия. Вот действительно, ни один ребенок, начиная с дошкольного возраста, не ошибался, какая поплывет, и какая потонет. То есть какой-то вообще неосознаваемое такое интуитивное знание вообще удельного веса у них существовала.

И вот, я обнаружила следующее, что у некоторых детей можно очень легко обнаружить, можно очень легко вызвать недоумение, когда его ставишь перед фактом, что он дает объяснение, а оно оказывается не работает по отношению к другому предмету. То есть, вообще, если ребенок может увидеть противоречие своих собственных суждениях и в результате этого у него возникает вопрос, то есть он спрашивает: “ в чем же дело? тогда объясните мне.” Если объяснение падает на вот такого рода потребность, то тогда он, вообще возвращаясь обратно к той же самой ситуации, он прекрасно решает этот вопрос на основании научных

понятий. Если этот вопрос не возникает, если потребность у него не возникает, то вообще ничего об этом, так сказать, не происходит. У него эти знания остаются инкапсулированными, он их к жизни не прикладывает, они так сказать формально у него живут, он может точно вспомнить, но ему совершенно так сказать, она не меняет его взгляда на мир. Вот так я бы сказала. А Вы помните, Александр Романович, мы столкнулись с таким фактом, когда мы спрашивали о законе давления и они очень точно его формулировали и показывали, что здесь имеет значение соотношение веса и площади, и даже приводили пример, что вот танк давит на единицу площади гораздо меньше, чем человек. То мы спрашивали у этих ребят, так, наивно, говорили:” что как же это такое, а почему же получается, что человек станет на собаку --не раздавит, а танк наедет – раздавит?” Так у нас один ученик, ученик, очень даже вспомнилось, ответил так: “ А физика к собаке никакого отношения не имеет.” Вот это совершенно типичное, так сказать....

И вот, я бы сказала, что отсюда у меня возник интерес вообще к проблемам потребностей. И, собственно, отсюда и пошли исследования мотивационные сферы, развитие потребностной сферы. И у меня значит, собственно, именно по линии того, что, делала для Семёнович, и возникли идеи относительно, того что по-видимому то же, что происходит в познавательных процессах, вот такое опосредствование, возникновение новых функциональных систем, что то же самое идёт и в потребностной сфере. И тоже и потребности тоже опосредствуются, и потребности тоже превращаются в новые функциональные системы, чисто так сказать, то есть идёт культурное развитие потребностей и чувств, так же как идёт культурное развитие познавательных процессов. И больше того, я пришла как-то к выводу что, развитие и познавательных процессов будет неполным, если мы не учтём, чтобы в эти новые познавательные системы включается аффективный момент.

И уже после этого я некоторых материалах из архива Льва Семеновича нашла, вообще говоря, что он тоже к этому стал подходить, то есть встреча аффекта и интеллекта для него стала основной проблемой и превращение чувств, так сказать из эмоциональных элементарных, вот в эти более высшие, так сказать, функциональные системы -- это составляет естественно для него это...

МЛК: поэтому он возвратился к Спинозе?

Лурия: он начал со Спинозы и кончил Спинозой

Божович: правильно. Ну я об этом больше более подробно не буду рассказывать, но если хотите, я могу Вам передать статью

Морозова: интерес в познавательных процессах только тогда включается, когда начинается переживание, чувство радости познания.

МЛК: очень хотел бы об этом поговорить, потому что мне это лично, мне лично это кажется очень интересным.

Божович: но, видите ли, я сейчас как раз вот во втором номере вопросов психологии будет опубликована она уже набрана статья где я пишу культурно-исторические развития психики веточки и вот там я собственно это очень подробно обосновываю. Но меня очень рано, вообще всё время, даже когда вот этот был инструментальный, так сказать, период, вот этот метод двойной стимуляции, когда вот этот вот опосредствование, меня всё время ужасно мучил вопрос, потому что мне ужасно интересно было знать. Ну хорошо вот кто-то завязывается узелок, и мы понимаем вообще операционную сторону этого процесса, вот память превращается опосредствуемую память. Ну кто это делает?

МЛК: и зачем?

Божович: и зачем?

И когда я спрашивала в своё время этот вопрос у Льва Семеновича, его немножко раздражал этот вопрос, я это чувствовала, потому что он туда не мог тогда, а потом как-то у нас состоялся такой очень подробный разговор, и он тогда сказал, что вообще говоря, надо научиться научно делать то, что умеет делать художники в области литературы другими средствами. И то, что Вас интересует, к этому надо подойти. и если бы я думал что то чем мы занимаемся, это и есть вся психология, то я бы перестал ею заниматься!

Так что у него тоже ,сейчас перечитывай некоторые вещи уже пристрастно в этом смысле, я всё время нахожу эту идею, что высшие проблемы - это личность высшая проблема - это Личность это и какое место там занимает система эмоций чувств потребностей как формируется и функциональные системы в которой уже втянута личность и так далее вот поэтому направлении собственно и уже была начало этого уже в книжке там было положено А сейчас я как раз почти непосредственно подошли к попытке понять волю как некоторые функциональные образования, именно составляющие как какой-то этап развития культурного развития потребностей, проблема чувства, вот значит и все, что я хотела сказать

МЛК: значит проблемы Пьера в Войне и Мир остается по-прежнему?

Божович: (смеется) ну да, да

Лурия: Александр Владимирович Запорожец

Запорожец:

Для вас было бы интересно, так сказать какая-то общая атмосфера, что мне особенно как-то остро переживалось мною, потому что я ведь поступил в университет на физико-математические факультет. Потом услышал такого видного свое время и очень популярного и великолепного популяризатора ... Николаевича Корнилова, лекции по психологии и решил этим заниматься.

Лурия: Корнилов вообще-то всегда первокурсников и привлекал

МЛК: Я должен сказать, что на меня произвел очень большое впечатление и Павлов.

Запорожец:

Павлов, конечно, величина более крупная.

МЛК: все-таки простые схемы всегда увлекают сначала, потому-то можно кое-что там понимать.

Запорожец:

Ну вот, значит, в то время на смену такой субъективно-менталистской психологии, которая раньше господствовала в университете, пришли вот эти направления, ну вот, отечественного бихевиоризма в виде ... с одной стороны, с другой стороны реактология, которая представляла собой тоже смесь такого бихевиоризма со старыми субъективными эмпирическими представлениям, которые меня и, по-видимому, вот и моих товарищей все больше и больше разочаровывало. Потому что все какие-то надежды на то, что перед нами откроется душевный мир человека, законы его образования — всё это, все эти грёзы разрушились. Потому что за общими какими-то фразами, когда переходили к исследованию, кроме там этих реакций нажимания на кнопки ничего не получалось.

МЛК: Там Душа не появлялась?

Запорожец: Там Душа не появлялась.

И вот я не знаю, вместе ли мы услышали, это я берусь говорить, впервые я услышал во втором МГУ лекцию Льва Семёновича, который меня как всех нас, совершенно потрясла. И потрясла не только потому, что, да и потрясла она не только потому, что, вот как товарищи говорили, он изумительный был оратор, такой блестящий и в такой логической стройной системе и эмоционально-выразительной форме излагал эти мысли, но перед нами открылся совершенно новый мир. Понимаешь, возможности какие-то подходят к этим высшим психическим функциям, человеческого мышления, человеческого аффекту, законам их образования и так далее. В общем он как-то сразу нас пленил

Божович: Покорил!

Запорожец: (12:08):

И мы, так сказать, с пылом юных лет, так сказать, вместе, ВСЯ ПЯТЕРКА ЭТА, ну вот сколько лет уже прошло. Скоро полстолетия будет!²

Божович: Полвека!

² Прямое подтверждение существования Пятерки

Запорожец:

Ну в общем так пока вначале мы только охали -ахали, так сказать, поэтому, так сказать поводу, но тут пришел к нам на помощь наш дорогой Александр Романович...

Божович: да, и Алексей Николаевич от части.

Запорожец: да, но все-таки так наиболее энергичные взялся за нас Александр Романович

МЛК: о разнице в их личностях всем очень известно.

Запорожец: угу, да.

И вот, так сказать, набрался окаянства и организовал этот семинар по пиктограмме, который в общем сделал нас людьми, сделал нас психологам, потому что научил как исследовать, правда, как анализировать материал, как подходить, ну в общем тут мы по гроб жизни ему обязаны.

Ну и затем значит вот я уж как рассказывала здесь Наталья Григорьевна значит взял он последнего курса меня лаборантом его туда в Академию комвоспитания, и в общем все мы перекантовывались туда, в эту сторону, потому что там стало, так сказать центром. Александр Романович заведовал этой кафедрой — это, наверное, лучше и кафедры никогда не было, я в жизни видел, это не кафедра, а блеск был! И потом мы в такой напряжённый творческой работе, которая всё время кипела. Ну вот тут товарищи много рассказывали об интересных исследованиях. Может быть так некоторые вещи Вам будут интересны. Какие-то формы и этой коллективной работы, но были какие-то, так сказать, ударные такие работы. Вдруг, у Льва Семеновича возникает какая-то идея, неразрешённый вопрос, и все мы бросаемся, наваливаемся, на это сделать. Я помню как сейчас вот я не знаю, вы позабыли, значит уже вот эта идея опосредования, инструментальности, так сказать это у него было во главе. Откуда это орудие, откуда этот инструмент берется? Разные же взгляды были, там, где-то Штерна какая-то идея, что ребёнок там сам изобретает, и вот и его там сам. И вот он [Лев Семенович] побудил всем, и все мы сели как-то на разном материале — ищите, смотрите, где изобретение такое будет. И вот мы мучились эти самые две недели, и приходим, и сам я этого изобретения нигде не увидел, думаю, черт его знает, может быть, девчонки что-нибудь такое выудили из этого ребенка. Смотрю, у них тоже носы спущены, думаю у них с этим не очень. Ну, значит, Лев Семенович и Александр Романович говорят – выкладывайте! Ну мы выкладываем постепенно, там и так далее, и так вроде извиняемся, что вот не выполнили, понимаете. И он вдруг говорит, правильно, он говорит -- ребенок в основном не изобретает это орудие, он типа усваивает. И мы должны строить эксперимент не так, что понимаете давать, им возможность и ждать, когда его, понимаете, Господь Бог

просветит, что там с этим делать, правда. А давать ему и указывать, и смотреть берёт он или нет как он берёт там это, всё такое прочее.

Божович: опять же подражание

Запорожец: да опять же, я хотел усвоение, овладение орудием. Потом, конечно, эту уже так сказать индивидуальное какое-то задание, как-то он меня вызывает и говорит,

вот пишут вот эти вот стадии наблюдения, знаешь там разные вначале там перечисления объектов там, да а потом картинки, да, а потом значит действия, а потом там отношения там, ну что-то мне это всё подозрительно. В общем говорит, пойдй, вот так вот посмотри, как это в общем в разных формах, так чтобы рассказал вот ребенок, вот как-то на предметах изобразил понимаете, проиграл в игре там и так далее. Ну я там посмотрел, и действительно, понимаете, получается все совершенно по-разному. Потому что когда он говорит, там было там девочка, ещё мальчик, ещё собачка, и вот они там, еще что-то такое, когда же в общем это в действии, так он изображает действия и взаимоотношения. Но самое любопытное так, это же так сказать хитрец -- он все заранее знал. Значит вызывает потом, говорит, что получил? Вот теперь ты можешь, я тебе расскажу, что что у тебя получилось. Понимаешь, да? А ты, мол, мне ответишь, так оно или нет. И совершенно точно мне рассказал, что должно было быть. Ну интересно, не заранее он мне сказал, понимаешь, чтобы меня, господи, не попутать, чтобы я это, смотрел на факты, вот когда значит, когда я уже я это, собрал материалы, только тогда он точно рассказал, что было.

Лурия: А конец этой истории, был на моём диване! Приехал в Москву этот Штерн. Я пригласил в гости Штерна и Выготского. Сели они на диван и Выготский в три минуты разрушил всю работу Штерна, который тот посвятил 20 лет, сказав, что это вовсе не стадии восприятия, а стадии речи! Тот почесался и говорит—да, пожалуй, Вы правы!

Божович: Саша, а теперь расскажи обязательно и с этим, как мы мучились. Когда ребеночек за громадным столом, тут лежит цель, которую должен достать, тут ему кладут палку, а эти паршивцы, им уже, слава тебе господи, и по четыре года, и по пять лет, тянутся рукой, игнорируя совершенно палку! Обезьяна же делает! И тянется, и тянется на цыпочках, и подпрыгивает – не берет орудие, не берет орудие! Ну и Александр Владимирович тогда говорит – уже раздражился – и говорит: «бери палку!». А он говорит: «да палкой всякий дурак достанет!»

Лурия: считает, что ему надо как-то по-особенному, иначе это дурацкая задача какая-то

Запорожец: ну вот, действительно нам повезло, потому что мы окунулись в эту творческую, так сказать работу, и так сказать непосредственно руководствуемся по Льву Семеновичу, Александру Романовичу, который заведует лабораторией,

Алексей Николаевич включился в эту историю, в общем это конечно было большим счастьем.

что касается моей работы в это время там понимаешь, что такое лаборант, это так сказать «старший куда пошлют» Все надо делать на свете, там таскать детей с улицы на эксперименты.

МЛК: прямо с улицы?

Запорожец: да, да.

Божович: ну вообще наши испытуемые были во дворе, около дома, у нас же не было других.

Запорожец: причем, это самое, там еще какого-либо ребятенка, там один у меня был, метис, помнишь его? Мы его обожали правда, страшно весёлые мальчишка, но этот самый, но уличный э-э и озорной, и сквернослов там. как-то Александр Романович говорит, она там значит продемонстрирует понимаешь там диалог по Пиаже с ним перед студентами. Я его привел, но он его там спрашивает, что будет если перелить вот ... и он вдруг там трехэтажным «что ты ко мне пристал? Расту-да твою ...» Александр Романович говорит – забирай его поскорее! С ним беды не оберешься!

Лурия: а помнишь это? «я четыре не умею!» Он считал «раз, два, три, пять, шесть...»

А четыре где? «А я четыре не умею» Он считал «раз, два, три, пять, шесть...» кубики, очень большая абстракция потребовалась для того, чтобы перескочить.

МЛК: так, так. «я четыре не умею!»

Запорожец: ну вот такая-вот была веселая жизнь. Но что касается значит экспериментальной работы, то там то время как-то еще завершались Александром Романовичем эти работы его по моторике, с этой сопряженной методикой, но уже такие какие-то там носились изменения, по-моему, под влиянием Льва Семеновича. Там о роли речи в организации этих самых движений. Потом значит мне пришла в голову, и Александр Романович отнесся к этому сочувственно, это немножко переkreщается и параллельно с тем Наталья Григорьевна делала о естественной истории знака. Это с рисованием. Это из пиктограммы, так сказать, тоже пошло. Идея вот такая, когда мы под влиянием Льва Семеновича отказались от идеи изобретения знака, значит, собственно, тогда развил Лев Семёнович вот этого положения о том, что знак первоначального выступает как средство общения, как средство коммуникации, а затем интериоризируется, становится средствами овладения своей материей. Мне удалось уложить какие-то некоторые факты что и в пределах этой коммуникации здесь происходит с рисунком какие своеобразные сдвиги. Что первоначально вот

даже рисунок, даже графическое изображение оно выступает первоначально скорее не своей сигникативной функции, а эмоционально-выразительной. А затем оно становится, так сказать, собственно, сигникативным знаком, обозначающим. Вначале в какой-то образной форме, а затем абстрагируясь, приобретая более абстрактное значение. Ну и там тогда любопытные у меня была коллекция, вот даже там Александр Романович привел в своем Афффекты, Конфликт и Воля, маленький так сказать кусочек из лаборатории. Например, так. Они значит рисуют там какой-то вот такой значит там нарисуй там хорошую девочку. Он говорит: «она хорошая, маленькая», елозит там, нежно там так. А нарисуй такого противный мальчишку. Вот он резко так замажет. Причём значит я ещё использовал графический анализ этих вещей, получаются различия даже в этих нажимах. Если взять гаммаграмму, то можно очень даже себе представить, то это драматическая какая-то сцена или лирическая. А постепенно, с возрастом, эти моменты исчезают, уходят на задний план, и выходим на собственно символические функции, на попытку соотнесения с объектом.

Ну вот, это значит одна линия другая это вот, собственно, вот по этой линии в основном так занималась Роза Евгеньевна, вот эта планирующая роль мышления и речи, и мы с Лидией, если ты помнишь тоже этим вещами занимались, и даже сняли фильм, который, к сожалению, в общем тоже где-то так погиб.

Лурия: весь курс психологии шел под фильм, который мы сами делали.

Запорожец: да, да, сами делали, хотя и с той несовершенной техникой.

Божович: Речь и интеллект мы снимали.

Запорожец: да, да вот планирующие функции речи, так как вот ребенок решает задачи, да, да, но там целый фильм был, понимаешь, специально посвященный вот маленькими ребятишками, как они решают задачи типа Келлеровской. И затем вот стимуляция речи там, путем введения там собеседника, или когда взрослые начинают с ним разговаривать, стимулировать речь и вот этим выходы за пределы непосредственно воспринимаемой ситуации, такого, как тогда говорил Выготский, из такого перцептивного поля в смысловое.

Ну вот теперь. Значит вот в начале тридцатых годов Я уже не помню, что это 31 что ли был год, да 31 мы переехали в Харьков. Александр Романович, Алексей Николаевич, ну и Выготский первоначально, ну и Лидией Ильиничной нас туда забрали, из такого более младшего поколения что ли. Хотя в общем возрастные тут различия не очень велики. Александр Романович на три года меня старше. Но он делом занимался с ранних лет, я пока дошёл до психологии в общем, всякие другие у меня были увлечения.

Ну вот, там действительно я с Лидией Ильиничной так хотел немножко подробнее...

Там началась другая немножко линия исследований, которая шла в следующем направлении. Собственно, у Льва Семеновича были, ну так его общие указания на этот счет. Очень четкие правда, например в критике Пиаже. Да по поводу этот

самый Лев Семенович приезжал в течение, по-моему, так лет полутора что ли. И мы, по-моему, с Лидией Ильиничной даже ассистировали ему там по детской психологии в медико-педиатрической институте. Но фактически, он не принял там участие, и уж он плохо себя чувствовал и в общем семья не хотела переезжать, и в общем сложилось так, он не переехал. Александр Романович, Алексей Николаевич и мы вдвоем остались.

Но потом они постепенно все начали уезжать, в конце концов последние четыре года я один там остался. Александр Романович раньше уехал, потом Лида, ты уехала, потом Алексей Николаевич, но в общем я один остался на хозяйстве.

Да, так в чем эта новая линия? Она принципиально для истории отечественной психологии очень важная, потому что там, собственно, зарождалось вот эта вот идея деятельности и роли деятельности в первую очередь практической в психическом развитии ребенка и в психическом развитии вообще.

Ну вот в этом плане шли исследования Лидии Ильиничны Божович, которая исследовала эти формы практической деятельности у ребенка и как возникают эти обобщения

Божович: тоже ничего не опубликовано осталось

Запорожец: да, да. Эти очень интересные как-раз работы. И тогда сыгравшие очень большую роль в нашем развитии. Потом работа моя, это роль элементов практики и речи в умственном развитии ребенка на материале глухонемых детей где я значит пытался показать во-первых что значит опять все ход вот этой практической деятельности, практического опыта, на который Выготский указывал, что еще до того как ребёнок человечески...

THE END.